

Кринж как этический китч и практика дистанцирования

МАРИНА ВАСИЛЬЕВА

Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого (СПбПУ), Россия, ma.vasilyeva@gmail.com.

Ключевые слова: кринж; китч; дистанцирование;
современная культура; социальные сети.

Автор обращается к проблеме определения и анализа особенностей кринжа как специфичного современного явления. Первый тезис статьи состоит в том, что слово «кринж», будучи явно схожим с другими сленговыми словами по смыслу и практике употребления, не является их синонимом и выражает собственное, новое понятие, важное для актуальной культурной ситуации. В дальнейшем автор демонстрирует особенности этой ситуации, обосновывая еще ряд положений касательно кринжа. В статье кринж рассматривается как суждение о действии и опыте Другого, выстроенное на экзистенциалистских основаниях. Автор показывает, что эти же основания обнаруживаются и при анализе китча как суждения, что роднит эти два сложных и актуальных понятия. Опираясь на концепции китча

Умберто Эко и Томаша Кулки, автор предпринимает попытку формулирования собственного определения. Китч и кринж представляют собой суждения не только об объекте, но и о реакции, на которую он нацелен, и о средствах, с помощью которых эта реакция вызывается. При этом китч является именно эстетическим понятием и обращается к эстетическим реакциям и средствам, а кринж выходит за рамки эстетического и работает как с этическими, так и социокультурными смыслами. В заключении автор особенно подчеркивает, что кринж связан с практикой дистанцирования, крайне важной для выстраивания идентичности в современной ситуации. В условиях тотальной доступности и близости опыта Другого дистанцирование становится важным инструментом очерчивания круга Собственного.

Кринж и его родственники

ЖАНР философской статьи хорош тем, что позволяет раскрывать не только сущностные характеристики предмета исследования, но и сюжеты, его касающиеся, но значимые самостоятельно. В то же время такая возможность иногда вводит в соблазн полностью отдаться этим сюжетам, оставив предмет рассмотрения в заглавии лишь как повод для рассуждения. Понятие кринжа легко может стать таким предметом-поводом. Приходится признать, что говорить непосредственно о нем крайне трудно. На данный момент кринж представляется неизвестным насекомым в естественной среде обитания: энтомолог его уже заметил, отметил необычность, но поймать и зафиксировать его на планшете для описания, классификации и дальнейшего предъявления научному сообществу пока не получается. Кринж сейчас представляется крайне живым и ускользающим от булавок точных и четких определений. Как и большинство слов, возникших в сленге, он имеет неясные очертания и правила употребления. Насколько мы можем судить, понятие, которое он выражает, интересно, довольно специфично и значимо для актуальной ситуации, но настолько трудноуловимо, что о нем сложно что-либо сказать определенно и уверенно. В конце концов оно может исчезнуть и забыться так же быстро, как и появилось, а само слово станет просто устаревшим сленгом, маркирующим очередное поколение. И все же сейчас наблюдается некоторое напряжение смыслов вокруг кринжа, а потому интерес к нему кажется оправданным и неминуемым. Так что первым тезисом данного текста является утверждение, что кринж — это не просто новое и занятное слово, а новое и занятное понятие, отражающее важные нюансы современной культурной ситуации. Для того чтобы это обосновать, нужно хоть как-то очертить понятия кринжа и выявить его новизну.

Попытаемся дать исходное понимание кринжа хотя бы в рамках данного текста. Кринж — это суждение человека о каком-то поступке или действии другого человека или собственном, которое проживается как дискомфорт. Это сужде-

ние сложно назвать оценочным, его тем более трудно определить как положительное или отрицательное. Наличие у кринжа пары — «база» — дает основания полагать, что они составляют пару антонимов. Тогда кринж, конечно, может пониматься как негативное суждение, ведь он буквально в своей этимологии выдает неудобство человека от увиденного или воспринятого (от англ. *stinge* — съезживаться, скукоживаться). И все же оценочность кринжа как суждения, природа этой оценки и ее вес представляются отдельными сюжетами, которые еще необходимо раскрыть. Поскольку кринж появляется в эпоху развитого и доступного интернета, то часто он применяется не к живому действию (вижу на улице и реагирую), а к свидетельству: цитата, рассказ, фотография, видео и т. д. Интересно, что поскольку кринж можно ощутить («словить») и от собственных поступков, речь может идти также и о воспоминаниях, рассказах о себе. В этом случае видно, что скорее не фото и видео в интернете похожи на наши рассказы и воспоминания, а наоборот: у воспоминаний и рассказов может быть особый модус свидетельства как у фото и видео в социальных сетях. Помимо слов «кринж» и «база» следует также держать в поле зрения и прилагательное «кринжовый», поскольку логично предположить по их употреблению, что кринж — это не про объект суждения, а нечто именно в самом суждении, тогда как прилагательное кринжовый относится к объекту.

Это очень приблизительное определение и наброски проблемных сюжетов все же позволяют сравнить слово «кринж» с другими сленговыми словами последних десятилетий, которые применяются для выражения разного рода суждений. Слов-родственников у кринжа достаточно много. Обычно те, кто не относится к новому поколению, первыми вспоминают «испанский стыд» и «зашквар», а также различные парные слова: «приемлемо-неприемлемо», «зачетно-незачетно» и самое простое «круто-некруто». В качестве общей черты всех этих (и еще многих других) слов можно указать их лаконичность и скорость реакции. Они не предполагают рефлексии по поводу собственной оценки, хотя могут ее предварять. К кринжу это также относится в полной мере. Такие слова-метки крайне удобны, когда мы находимся в ситуации быстрой коммуникации, которая построена вокруг постоянной оценки отдельных предметов и явлений окружающего мира, ограничена во времени (оба случая характерны для коммуникации молодых людей), или сочетает две эти характеристики так, как это происходит в пространстве социальных сетей.

Вынесение вердиктов «круто», «зачетно», «кринж» и др. в большей степени размечает поле коммуникации, чем действительно наполняет ее смыслом. Так обнаруживается серьезное сходство кринжа с другими сленговыми словечками для вынесения моментальных суждений. Но особенность перечисленных выше слов состоит в том, что они представляют собой явную оценку и размещают объект суждения на шкале приемлемости, зачетности или крутости, которая известна участникам коммуникации. Непарный «испанский стыд» вообще является довольно агрессивной формой оценки, поскольку включенное в него понятие стыда даже с оттенком иронии предполагает глубинное, сильное проживание вины и желания аннигиляции того, что стыдно (в крайнем случае себя самого). Кроме того, стыд подразумевает объективность оценки. Проживается он, конечно, субъективно, но подразумевает Другого, перед которым стыдно, вину перед Другим и общепринятость того, что стыдно. Все вышеперечисленное найти в кринже довольно сложно. Когда человек говорит, что он «кринжует» или «испытывает кринж» из-за чего-то, он мало что заявляет об объекте, фиксируя и осознавая свое проживание неловкости, никаких шкал и линеек к кринжу (пока) не прилагается, а его своеобразный антоним — «база» — является мемом сам по себе и обозначает что-то ожидаемое, вписывающееся, предсказуемое и понятное, но далеко не всегда хорошее. Можно ли из-за всего этого назвать кринж оценочным суждением? А если да, то что в этой оценке такого специфического, и почему именно в таком виде она нужна в современной коммуникации?

Прежде чем попытаться дать прямой ответ на этот вопрос, можно найти другие родственные для кринжа понятия, чтобы разобраться в более сложных смысловых нюансах. Второй и главный тезис этой статьи состоит в утверждении принципиального сходства между понятиями кринжа и китча. Китч также долго был крайне популярным словом с очень непростым и сложно вербализируемым значением. Понадобилось время, прежде чем это значение обрело свои очертания, отделилось от более понятных слов вроде «дурновкусия», или «массового искусства», «псевдоискусства» и проч. Роднит китч с кринжем, конечно же, не сходство по сложности. Существует ряд интересных и отличающихся друг от друга концепций китча, но в любом случае он представляется как особое суждение о художественном произведении, отражающее не только его характеристики, но и отношение к нему говорящего. Умберто Эко в принципе снимает ярлык

китча с объекта, говоря, что «в большинстве случаев китч заключается вовсе не в творении, а в нашем взгляде на него»¹, и приводит в пример фетишизацию Джоконды.

Есть, конечно, и другие варианты понимания китча. Например, Томаш Кулка рассматривает сами произведения, относимые к китчу, и обнаруживает несколько вполне конкретных общих черт, объясняющих, почему китч столь привлекателен для масс и при этом плох для людей с развитым вкусом. Он считает, что

... (1) китч изображает такие объекты, которые обычно представляются красивыми или которые сильно окрашены шаблонными эмоциями; (2) изображенный на китчевом рисунке предмет распознается мгновенно и без всяческих усилий; (3) китч никак существенно не обогащает наши ассоциации, относящиеся к изображенному объекту².

С одной стороны, концепция Кулки крайне привлекательна возможностью уверенного и обоснованного обнаружения китча в том, что создается как художественное произведение. Он довольно много внимания уделяет тому, чтобы проговорить отличие китча от высокого искусства в разных жанрах. С другой, мы уже давно находимся в ситуации, когда китч проявляет себя не только в том, что предполагалось как произведение искусства. Свою работу Кулка писал в 1988 году. Он уже приводит в пример сувенирную продукцию, но стоит только на пороге превращения туризма в огромную и денежную индустрию, породившую массовизацию множества произведений и смыслов. Китч сегодня может относиться не только к конкретным объектам, изображениям, но и стилям. Китч обнаруживается и в литературе, кино, сериалах, и не только в виде образов, но и сюжетных ходов. Фиксация именно на милом и красивом, на позитивных эмоциях более не представляется актуальной даже в массовой культуре. Утверждение, что абстракции сложно стать китчем, легко оспаривается: достаточно посмотреть на каталоги постеров для интерьеров и обнаружить в них достаточно много абстрактных полотен, претендующих на сложность, оригинальность и тем самым кричащих о своей китчевости. Кулка писал, что импрессионизм тоже не мог быть китчем, пока считался новым, непонят-

1. Эко У. Китч, китч, китч — ура! // ИноСМИ. 27.09.2014. URL: <https://inosmi.ru/20140927/223280399.html>.

2. *Kulka T. Kitsch* // *British Journal of Aesthetics*. Winter 1988. Vol. 28. № 1. P. 18–27.

ным и прорывным, но со временем он утратил эти характеристики. Сегодня их утрачивает и кубизм, и все варианты абстракции. Получается, что сильная сторона концепции Кулки — ее определенность — со временем становится и недостатком. Те черты, которые он выделяет у китча, все еще существенны, однако должны или могут быть сформулированы иначе, учитывая все произошедшие изменения: (1) китч изображает такие объекты или отсылает нас к таким объектам и смыслам, которые сильно окрашены шаблонными эмоциями; (2) для отсылки или изображения используются максимально понятные и простые инструменты, не предполагающие множественности интерпретаций или действительно не нуждающиеся в интерпретации; (3) китч никак существенно не обогащает наши ассоциации, относящиеся к предъявленному объекту, смыслу или сюжету. Такое определение китча выглядит более актуальным и довольно полным, и все же здесь остается место для трех больших вопросов: (1) на каком основании мы можем отнести чужие эмоции к шаблонным? (2) как точно определить, является ли инструмент простым? (3) как можно с уверенностью сказать, что китч не обогащает не только мои, но чьи бы то ни было ассоциации? Получается, что так или иначе китч остается субъективным суждением, и ре-марка Эко тут крайне полезна.

Суммируя и пытаясь развить представленные концепции китча, можно сказать, что это такое специфическое суждение о предмете, в котором заложена оценка не только самого предмета, но и ожидаемой реакции на него и используемых для вызова этой реакции средств. Отсюда можно проследить сходство кринжа с китчем. Оба понятия в большей степени отражают позицию говорящего, хотя остаются связаны с самим объектом. Также оба понятия выражают условно негативную позицию: не в смысле действительной оценки объекта, а в смысле фиксации собственного неудовольствия или дискомфорта: кринж и китч снимают абсолютные категории «неправильности», «безобразности», «стыдности» и проч. Принимая такие черты китча и кринжа как (не)оценочных категорий, следует вернуться к вопросу о причине необходимости таких сложных конструкций в современной культуре.

Особый тип суждения для особой ситуации

Особенности современных сообществ и социального порядка произрастают из представлений об атомарности индивида, его

самостоятельности, которую в XX веке обосновывали и разъясняли многие, в первую очередь — экзистенциалисты. С учетом основных позиций экзистенциализма, представления о человеке как о реализующейся свободе и незаконченном проекте, проблемность осуждения Другого раскрывается по-новому. В своем программном эссе «Экзистенциализм — это гуманизм» Жан-Поль Сартр пишет:

... нам говорят, что мы не можем судить других. Это отчасти верно, а отчасти нет. Это верно в том смысле, что всякий раз, когда человек выбирает свою позицию и свой проект со всей искренностью и полной ясностью, каким бы ни был этот проект, ему невозможно предпочесть другой. Это верно в том смысле, что мы не верим в прогресс... Но тем не менее судить можно, поскольку, как я уже говорил, человек выбирает, в том числе выбирает и самого себя, перед лицом других людей. Прежде всего можно судить, какой выбор основан на заблуждении, а какой на истине (это может быть не оценочное, а логическое суждение)³.

Последнее уточнение крайне важно. Логическое суждение в этике относится к внутренней мотивации поступка, его непротиворечивости, а не результату или ценности, выраженной в мотиве. Сартр приводит в пример суждение о нечестности и в целом показывает, как это работает в сфере этики, но можно легко и крайне продуктивно расширить поле деятельности такого экзистенциалистского суждения. Современная культура, в которой планомерно разрушались абсолютные критерии и ориентиры в различных областях, с необходимостью переходит с оценочных суждений о соответствии объекта какому-то идеалу на логические суждения о его внутренних основаниях и задействованных в нем смыслах.

Вот почему кринж, как и китч, следует рассматривать как логическое суждение о действии, поступке, объекте и т. п., выстроенное на экзистенциалистских принципах. Поэтому и появляются они именно тогда, когда у человека возникает необходимость высказать свое отношение к огромному множеству явлений, без претензии на их оценку по какой-то внятной шкале.

Китч появляется раньше и вначале применим именно к художественным произведениям в период массовизации искус-

3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Под ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 342.

ства и увеличения его доступности. При этом надо отметить, что не каждый пример тиражирования становится китчем. Например, ироничные, но вполне элегантные таблички с указателями в виде Св. Себастьяна в европейских галереях или футболки с изображением классических картин и шуткой, обыгрывающей главный сюжет («А голову ты дома не забыл?» вместе с картиной Андреа Соларио «Саломея с головой святого Иоанна Крестителя», 1509). Эти объекты, безусловно, относятся к массовизации искусства и все же не воспринимаются как китч, поскольку ироничны по отношению к себе, но при этом вполне серьезно представляют само произведение, используют его не в инструментальном плане, а как основание для творчества смыслов. На контрасте можно вспомнить о крайне популярной и явно китчевой практике использования картин Г. Климта для украшения посуды. Как ни странно, для изображения на чашках также часто выбирают картину с сюжетом про отрубленную голову — «Юдифь и Олоферн», однако оставляют только самый привлекательный фрагмент — лицо Юдифи. В этом, наоборот, проявляется излишняя серьезность по отношению к собственной цели — приятности чашки — и полное игнорирование собственно сути картины, ее целостности, задумки. Можно сказать, что понятие китча обнаруживает и маркирует неаккуратное отношение к эстетическим смыслам и их ранжированию.

Кринж появляется значительно позже, сегодня, когда благодаря социальным сетям доступным, тиражируемым и массовым становится буквально все, даже то, что ранее было глубоко личным или же просто необсуждаемым. Для человека, разделяющего и принимающего ценности современного общества, эта тотальная доступность чужого опыта сочетается с отсутствием легитимной возможности высказать негативное суждение о нем. В такой ситуации понятие кринжа становится настоящим спасением. С одной стороны, кринжуя по поводу чьего-то действия, мы не задеваем никого лично, ничего не осуждаем и не запрещаем, с другой — через фиксацию собственного дискомфорта в такой форме мы можем дистанцироваться, не подпустить чужой опыт к себе слишком близко. То есть кринж, как и китч, — так или иначе про ценности, но не про оценку в классическом понимании. Правда, интересным и пока не проясненным остается вопрос, о каких ценностях идет речь в связи с кринжем.

В размышлении над этим вопросом можно опереться на то исходное определение, которое мы давали в самом нача-

ле. Кринж как суждение применяется к живому действию или к свидетельству о действии в интернете, что встречается сегодня чаще. Получается, что кринжуют молодые пользователи сети от фотографий и видео. Значит ли это, что кринж относится к эстетическим категориям? Учитывая личный опыт и наблюдение за практиками общения в социальных сетях, можно предположить, что фото и видео, в огромном количестве доступные в интернете, очень редко рассматриваются пользователями как самостоятельные объекты, имеющие собственную значимость. Для того чтобы такое отношение сложилось, изображение должно быть действительно выдающимся и запоминающимся. Подавляющая часть фото и видео воспринимается как удобный, карманный вариант контакта с реальностью, делающий доступным тот самый чужой опыт, о котором говорилось ранее. Используя термин Ролана Барта, можно сказать, что контент социальных сетей часто представляет собой «нулевую степень» фотоизображения. Барт прослеживал «этапы постепенного отвердевания» письма от объекта разглядывания через стадии производства и убийства к исчезновению»⁴, также можно проследить и этапы отвердевания фотографии и видео. Многие фотографии в социальных сетях и еще больше — видео (из-за большей сложности достижения эстетических эффектов) — сами словно и не существуют. Поэтому кринжовыми оказываются не сами картинки, но то, что на них изображено, то, что делают люди (Другие или я сам как Другой). Отсюда напрашивается вывод, что кринж скорее связан с эстетическими понятиями и оказывается суждением относительно эстетических характеристик объекта, но этим он не исчерпывается. В нем также проявляется и этическая составляющая, как суждение о работе Другого с этическими ценностями. Например, кринжовым можно назвать видео с каким-то инцидентом, или новость о чьем-то поступке, или воспоминание о событии в собственной биографии без оценки и даже фиксации внимания на качестве видео, текста новости и рассказа. Но самое главное, что крайне сложно сформулировать, кринж становится суждением о том, насколько адекватно (с субъективной точки зрения) была проведена работа с самыми разными позициями, насколько адекватным стало их совмещение или пе-

4. Барт Р. Нулевая степень письма / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2008. С. 54.

ресечение. Для того чтобы пояснить эту мысль, можно привести простой, но наглядный пример, используя произвольный конвенционально красивый, милый и приятный объект, который, согласно Кулке, мог бы подойти для китчевого произведения. Допустим, у нас есть несколько фотографий милой девушки, явно позирующей и улыбающейся на камеру, сделанных на разном фоне: центральная городская площадь, кладбище, красивый пейзаж, заброшенная стройка, зал музея с известной картиной, храм, зал ожидания аэропорта. Все эти фотографии будут очень разными, какие-то будут скорее восприниматься как китч (площадь, музей, аэропорт), а какие-то как кринж (кладбище, заброшенная стройка). На первый взгляд может показаться, что дело исключительно в уместности позирования в различных пространствах, но дело не только в этом. Если фото на заброшенной стройке будет хоть как-то демонстрировать, что модель и фотограф прекрасно осведомлены о странности выбора фона, и изображение будет скорее ироничным, то кринжовым оно уже не станет. Как уже было сказано выше, кринж, как и китч, представляет собой суждение не только об объекте, но и о реакции, на которую он нацелен, и о средствах, с помощью которых эта реакция вызывается. Таким образом получается сложное многоплановое суждение обо всем сразу, которое в связи с современными реалиями должно осуществляться очень быстро. Если что-то в этом конкретном сгустке смыслов и позиций не устраивает, кажется неправильным или неаккуратным, то оно определяется как кринжовое, вызывает моментальное и нерелексивное отторжение, вынесение объекта из круга Собственного. Это не значит, что необходимо буквально удалять кринжовое фото, наоборот, его вполне можно поставить на скринсейвер. Сама оценка его как кринжового уже решает задачу по дистанцированию. Доступность не означает близость, которая все равно остается результатом моего суждения.

Итак, как видно, кринж действительно может претендовать на статус целого явления, а не просто популярного слова. Специфичность его внутренней логики продуктивно раскрывается через сопоставление его с другими схожими по практикам употребления понятиями. В результате обнаруживается, что кринж может пониматься нами как интересный симптом современной культурной ситуации, в которой человек уже не только потребляет или использует смыслы, но и активно от них отстраняется, сохраняя уникальность собственного проекта.

Библиография

- Барт Р. Нулевая степень письма / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2008.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Под ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989.
- Эко У. Китч, китч, китч — ура! // ИноСМИ. 27.09.2014. URL: <https://inosmi.ru/20140927/223280399.html>.
- Kulka T. Kitsch // British Journal of Aesthetics. Winter 1988. Vol. 28. № 1. P. 18–27.

MARINA VASILYEVA. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), Russia, ma.vasilyeva@gmail.com.

Keywords: cringe; kitsch; distancing; modern culture; social networks.

The author addresses the problem of defining and analyzing the features of the cringe as a specific modern phenomenon. The first thesis of the article is that the word cringe being clearly similar to other slang words in terms of meaning and practice of use, is not their synonym and expresses its own new concept, important for the current cultural situation. The author demonstrates the features of this situation discussing the specificity of cringe. In the article, cringe is considered as a special judgment about the action and experience of the Other, built on the existentialist grounds. The author shows that the same grounds are also found in the analysis of kitsch as a judgment, which makes these two complex and relevant concepts related. Based on the concepts of kitsch by Umberto Eco and Tomáš Kulka, the author makes an attempt to formulate his own definition. Kitsch and cringe are judgments not only about the object, but also about the response it aims at and the means by which that response is elicited. At the same time, kitsch is precisely an aesthetic concept and refers to aesthetic reactions and means, while cringe goes beyond the aesthetic and works with both ethical and sociocultural meanings. In conclusion, the author especially emphasizes that the cringe is associated with the practice of distancing, which is extremely important for building an identity in the current situation. In conditions of total accessibility and closeness of the experience of the Other, distancing becomes an important tool for delineating the circle of the Own.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-5-185-195

References

- Barthes R. *Nulevaia stepen' pis'ma* [Le Degré zéro de l'écriture], Moscow, Akademieskii proekt, 2008.
- Eco U. Kitch, kitch, kitch — ура! [Kitsch Kitsch Kitsch, hurrah!]. *InoSMI*, September 27, 2014. Available at: <https://inosmi.ru/20140927/223280399.html>.
- Kulka T. Kitsch. *British Journal of Aesthetics*, winter 1988, vol. 28, no. 1, pp. 18–27.
- Sartre J.-P. Ekzistentsializm — eto gumanizm [L'existentialisme est un humanisme]. *Sumerki bogov* [Götterdämmerung] (ed. A. A. Iakovlev), Moscow, Politizdat, 1989.